

Сторож склепа. Франц Кафка

Пьеса.

Действующие лица:

Князь.

Княгиня.

Сторож склепа.

Камергер — граф.

Обергофмейстер.

Слуга.

Маленький рабочий кабинет. Высокое окно, за ним — верхушка дерева без листьев. Князь сидит за письменным столом, откинувшись на спинку кресла, и смотрит в окно. Седобородый и седоусый камергер, по-юношески затянутый в узкий камзол, стоит, прислонясь к стене, у средней двери.

Пауза.

КНЯЗЬ (отворачиваясь от окна). Ну?

КАМЕРГЕР: Я не могу этого рекомендовать, Ваше Высочество.

КНЯЗЬ: Почему?

КАМЕРГЕР: В данный момент я затрудняюсь точно сформулировать мои сомнения. И если я приведу теперь лишь вошедшее в поговорку общечеловеческое мнение: «Не надо тревожить мертвых», то этим далеко еще не будет исчерпано все то, что я хотел бы высказать.

КНЯЗЬ: Я разделяю это мнение.

КАМЕРГЕР: В таком случае я неверно понял.

КНЯЗЬ: Похоже на то.

Пауза.

Необычность того, что я не отдал распоряжение сразу, а вначале объявил о нем вам, — вот, по-видимому, единственное, что вас смущает в этом деле.

КАМЕРГЕР: Разумеется, это объявление налагает на меня повышенную ответственность, и я должен приложить соответствующие усилия.

КНЯЗЬ: Никакой ответственности!

Пауза.

Итак, еще раз. До сих пор склеп во Фридрихспарке охранялся сторожем, живущим в будке у входа в парк. В таком установлении — имелся ли какой-нибудь изъян?

КАМЕРГЕР: Определенно нет. Этому склепу более четырехсот лет, и все это время он охранялся таким образом.

КНЯЗЬ: Это могло быть установлено произвольно. Но ведь это был не произвол?

КАМЕРГЕР: Это была необходимость.

КНЯЗЬ: Итак, это необходимое установление. Но я нахожусь здесь, в этом деревенском замке, уже достаточно долго, я вошел в подробности, заниматься которыми раньше предоставлял другим, — с грехом пополам они с этим справлялись, — и я обнаружил, что сторожа в верхнем парке недостаточно и что внизу в склепе тоже должен быть сторож. Возможно, это будет не слишком приятная служба, но практика показывает, что для всякой должности находятся подходящие люди, готовые ее занять.

КАМЕРГЕР: Все распоряжения Вашего Высочества, естественно, будут выполнены, даже если не удастся понять, какова необходимость этих распоряжений.

КНЯЗЬ (повысив голос). Необходимость! А охрана у ворот парка необходима? Фридрихспарк — это внутренний парк, со всех сторон окруженный замковым парком, а сам замковый парк охраняется многочисленной — и даже вооруженной — охраной. Для чего же нужна отдельная охрана Фридрихспарка? Разве это не формальность в чистом виде? не смертный одр, любезно предоставленный жалкому старику, который несет там этот караул?

КАМЕРГЕР: Это формальность, но она необходима. Это проявление уважения к великим мертвецам.

КНЯЗЬ: А охрана в самом склепе?

КАМЕРГЕР: Она, по моему мнению, имела бы некий полицейский оттенок, она была бы реальной охраной нереальных вещей, далеких от человеческого.

КНЯЗЬ: В моей семье этот склеп — граница между человеческим и иным, и я хочу, чтобы эта граница охранялась. А выяснить полицейскую, как вы выражаетесь, необходимость такой охраны мы сможем, допросив самого сторожа. Я послал за ним. (Звонит.)

КАМЕРГЕР: Этот сторож — если позволено мне будет заметить — заговаривающийся старик, он уже не в себе.

КНЯЗЬ: Если так, то это лишь еще одно доказательство необходимости того усиления охраны, о котором я говорил.

Входит слуга.

Сторожа склепа!

Слуга вводит сторожа, крепко держа его под руку, чтобы тот не упал. Это багроволицый старик в болтающейся на нем парадной ливрее с начищенными до блеска серебряными пуговицами и разнообразными знаками отличия. В его руке шапка. Под взглядами господ он дрожит.

На софу!

Слуга укладывает старика и уходит. Пауза. Слышно лишь слабое хрипение сторожа.

Слышишь меня?

Сторож приподнимается, пытается ответить, но не может; он слишком измучен и снова падает на софу.

Постарайся взять себя в руки. Мы ждем.

КАМЕРГЕР (наклонившись к князю). Разве этот человек в состоянии что-то сообщить? В особенности что-то достоверное или важное? Его бы следовало уложить в постель, и как можно скорее.

СТОРОЖ: Не надо в постель... еще крепкий... сравнительно... еще смогу его задержать.

КНЯЗЬ: Должно быть, так. Тебе ведь всего шестьдесят. Правда, выглядишь ты очень слабым.

СТОРОЖ: Сейчас соберусь с силами... сейчас соберусь.

КНЯЗЬ: Это не в упрек тебе. Я лишь сожалею, что тебе так туго приходится. Есть какие-нибудь жалобы?

СТОРОЖ: Тяжелая служба... тяжелая служба... не жалуюсь... но очень выматывает... схватки каждую ночь.

КНЯЗЬ: Что ты сказал?

СТОРОЖ: Тяжелая служба.

КНЯЗЬ: Ты еще что-то сказал.

СТОРОЖ: Схватки.

КНЯЗЬ: Схватки? Что за схватки?

СТОРОЖ: С благословенными предками.

КНЯЗЬ: Этого я не понимаю. У тебя тяжелые сны?

СТОРОЖ: Это не сны... ночью никогда не сплю.

КНЯЗЬ: Ну расскажи тогда об этих... об этих схватках.

Сторож молчит.

КНЯЗЬ (обращаясь к камергеру): Почему он молчит?

КАМЕРГЕР (поспешно подходит к сторожу). Он может отойти в любой момент.

Князь встает и стоит у стола.

СТОРОЖ (когда камергер дотрагивается до него). Прочь, прочь, прочь! (Борется с пальцами камергера, затем обессиливает и плачет.)

КНЯЗЬ: Мы мучаем его.

КАМЕРГЕР: Чем?

КНЯЗЬ: Не знаю.

КАМЕРГЕР: Дорога в замок, привод сюда, вид Вашего Высочества, расспросы — его рассудка уже не хватило на то, чтобы все это вынести.

КНЯЗЬ (не отрываясь смотрит на сторожа). Это не так. (Идет к софе, наклоняется к сторожу и охватывает ладонями его маленький череп.) Ты не должен плакать. Да и с чего тебе плакать? Мы расположены к тебе. И я не считаю твою службу легкой. У тебя, безусловно, есть заслуги перед моим домом. Так что перестань плакать и рассказывай.

СТОРОЖ: Если бы я не так боялся того господина... (Смотрит на камергера не со страхом, а с угрозой).

КНЯЗЬ (камергеру). Вам придется выйти, чтобы он мог рассказать.

КАМЕРГЕР: Но посмотрите, Ваше Высочество, у него пена на губах, он тяжело болен.

КНЯЗЬ (рассеянно). Да, идите, это продлится недолго.

Камергер уходит. Князь садится на край софы. Пауза.

Почему ты его боишься?

СТОРОЖ (на удивление бодро). А я не боюсь. Еще бояться какого-то слуги!

КНЯЗЬ: Он не слуга. Он свободный и богатый человек, граф.

СТОРОЖ: И все равно только слуга, а господин — ты.

КНЯЗЬ: Ну, пусть так, если хочешь. Но ты сам сказал, что боишься.

СТОРОЖ: Мне пришлось бы рассказывать при нем такие вещи, которые только ты должен знать. Я и так слишком много при нем сказал, да?

КНЯЗЬ: Так у нас, значит, взаимное доверие? А я тебя только сегодня впервые увидел.

СТОРОЖ: Увидел-то впервые, а знать-то давно знаешь, что я несу при дворе (поднимает вверх указательный палец) важнейшую службу. Да ты и сам это открыто признал, пожаловав мне медаль «Пламенному». Вот! (Приподнимает медаль на груди.)

КНЯЗЬ: Нет, это медаль за двадцать пять лет службы при дворе. Тебе ее дал еще мой дед. Но и я тоже тебя награжу.

СТОРОЖ: Делай, как захочешь, но чтобы это соответствовало значению моей службы. Я служу тебе сторожем склепа уже тридцать лет.

КНЯЗЬ: Не мне, мое правление длится чуть больше года.

СТОРОЖ (в задумчивости). Тридцать лет. (Умолкает. Затем, как бы с опозданием расслышав замечание князя.) Ночи там тянутся, словно годы.

КНЯЗЬ: О твоей службе мне еще не поступало ни одного доклада. В чем она состоит?

СТОРОЖ: Каждую ночь одно и то же. Каждую ночь почти что жилы рвешь.

КНЯЗЬ: То есть именно ночная служба? Тебе, старому человеку, тяжела ночная служба?

СТОРОЖ: Конечно, Высочество, в этом все и дело. Вот, взять дневную службу. Работа для бездельника. Сиди перед воротами на солнышке да позевывай. Всех происшествий, что собака встанет, толкнет тебя лапой в колено и снова ляжет.

КНЯЗЬ: Но?

СТОРОЖ (кивает). Но зато уж ночью-то устраивают происшествия.

КНЯЗЬ: Кто же?

СТОРОЖ: Господа из склепа.

КНЯЗЬ: Ты их знаешь?

СТОРОЖ: Да.

КНЯЗЬ: Они являются тебе?

СТОРОЖ: Да.

КНЯЗЬ: Этой ночью тоже приходили?

СТОРОЖ: Тоже.

КНЯЗЬ: Как это было?

СТОРОЖ (садится на софе). Как всегда.

Князь поднимается.

Как всегда. До полуночи тишина. Я лежу — прости меня — в кровати и курю трубку. В другой кровати спит моя внучка. В полночь раздается первый стук в окно. Я смотрю на часы. Всегда ровно в полночь. Стук повторяется еще дважды, он смешивается с ударами часов на башне и ничуть их не слабее. Это тебе не человек костяшечками постучит. Но я все это уже знаю и не шевелюсь. Тогда снаружи покашливают и удивляются, что я, несмотря на такие удары, не открываю окно. Пусть княжеское Высочество удивляется! Старый сторож все еще здесь! (Поднимает кулак.)

КНЯЗЬ: Ты мне грозишь?

СТОРОЖ (не сразу поняв). Не тебе. Тому, за окном!

КНЯЗЬ: Кто это?

СТОРОЖ: Он сразу объявляется. Одним ударом распахиваются и ставни, и окна, я едва успеваю набросить одеяло внучке на лицо. Врывается порыв бури и вмиг гасит огонь. Герцог Фридрих! Его лицо с бородой и волосами целиком заполняет все мое несчастное окошко. Как он изменился за эти столетия! Когда он открывает рот, чтобы говорить, ветер забрасывает ему туда его древнюю бороду, и он кусает ее.

КНЯЗЬ: Погоди. Ты говоришь, герцог Фридрих? Какой Фридрих?

СТОРОЖ: Герцог Фридрих, только герцог Фридрих.

КНЯЗЬ: Он называет свое имя?

СТОРОЖ (испуганно). Нет, он его не называет.

КНЯЗЬ: И тем не менее ты знаешь... (Обрывает фразу). Рассказывай же дальше!

СТОРОЖ: Ты приказываешь мне рассказывать дальше?

КНЯЗЬ: Естественно. Мне это действительно очень важно; здесь допущена ошибка в распределении работы. Тебя перегружали.

СТОРОЖ (падая на колени). Не отбирай у меня этот пост, Высочество. Я столько за тебя пережил — позволь мне за тебя и умереть! Не закрывай передо мной могилу, в которую я схожу. Я готов служить, я еще могу послужить. Одна такая аудиенция, как сегодня, одна минутка отдыха подле моего господина даст мне сил на десять лет.

КНЯЗЬ (снова садится на софу). Никто не отбирает у тебя твой пост. Как бы я смог обойтись там без твоего опыта! Но я назначу еще одного сторожа, а ты будешь старшим сторожем.

СТОРОЖ: А меня разве не достаточно? Разве я когда-нибудь хоть одного пропустил?

КНЯЗЬ: Во Фридрихспарк?

СТОРОЖ: Нет, из парка. Туда кто же захочет? Если когда-нибудь кто-то и остановится перед решеткой, так я махну из окна рукой — и он уж бежит прочь. А вот оттуда — оттуда хотят все. Ты бы посмотрел, как после полуночи все эти могильные голоса собираются вокруг моего дома. Если бы они там не так теснились, так, я думаю, они бы все вместе, со всем, что за ними есть, ввалились в мое маленькое окошко. Правда, когда становится уж совсем не вмоготу, я достаю из-под кровати фонарь, высоко поднимаю его, и эти непонятные существа со смехом и воплями разлетаются во все стороны, я потом только слышу, как они шуршат в самых дальних зарослях на краю парка. Но вскоре они собираются снова.

КНЯЗЬ: И они высказывают тебе свои просьбы?

СТОРОЖ: Вначале они приказывают. Особенно герцог Фридрих. Да еще так уверенно, как ни кто из живущих. Вот уже тридцать лет каждую ночь он верит, что на этот раз я не устою.

КНЯЗЬ: Если он приходит уже тридцать лет, то это не может быть герцог Фридрих, он умер только пятнадцать лет назад. А с таким именем в склепе он один.

СТОРОЖ (слишком увлеченный своим рассказом). Я, Высочество, про это не знаю, я не учился. Я знаю только, как он начинает. «Старый пес, — начинает он у моего окна, — господа стучат, а ты продолжаешь валяться в своей грязной кровати». Они именно на кровать всегда гnevаются. И после этого произносим мы каждую ночь почти одни и те же слова. Он — за дверью, я — с другой стороны, прислонясь к двери спиной. Я говорю: «У меня служба только днем». Господин оборачивается и кричит в парк: «У него служба только днем». На это раздается общий смех слетевшейся знати. Тогда герцог снова оборачивается ко мне: «Сейчас и есть день». Я на это коротко: «Вы ошибаетесь». Герцог: «День или ночь — открывай ворота!» Я: «Это нарушение моей служебной инструкции», — и указываю черенком трубки на прикрепленный к стене листок. Герцог: «Но ты же наш сторож». Я: «Сторож-то ваш, но поставлен правящим

князем». Он: «Ты наш сторож, это главное. Поэтому-то из предосторожности я с самого начала прислоняюсь к двери, и теперь держусь на ногах почти только благодаря ей. А снаружи все поют твоё имя. «Где приглашение?» — тихо спрашиваю я. «Тварь постельная, — кричит он, — ты сомневаешься в моём герцогском слове?» Я на это: «Я не получал никаких указаний, и поэтому я не открою, не открою, не открою». «Он не открывает, — восклицает герцог за дверью, — так вперед, все, вся династия — на ворота, мы откроем их сами». И в одно мгновение за моим окном — пустота.

КНЯЗЬ (быстро). Я?

СТОРОЖ: Ты.

Пауза.

Когда я слышу твоё имя, я теряю свою устойчивость. Поэтому-то из предосторожности я с самого начала прислоняюсь к двери, и теперь держусь на ногах почти только благодаря ей. А снаружи все поют твоё имя. «Где приглашение?» — тихо спрашиваю я. «Тварь постельная, — кричит он, — ты сомневаешься в моём герцогском слове?» Я на это: «Я не получал никаких указаний, и поэтому я не открою, не открою, не открою». «Он не открывает, — восклицает герцог за дверью, — так вперед, все, вся династия — на ворота, мы откроем их сами». И в одно мгновение за моим окном — пустота.

Пауза.

КНЯЗЬ: Это все?

СТОРОЖ: Если бы! Только теперь и начинается моя настоящая служба. Выскакиваю за дверь — бегом вокруг дома — и вот уже я столкнулся с герцогом, и вот уж мы схлестнулись в схватке. Он так велик, а я так мал, он так широк, а я так тонок, что я борюсь только с его ногами, но иногда он поднимает меня, и тогда я борюсь и наверху. Нас кольцом окружают все его сотоварищи и потешаются надо мной. Один, к примеру, надрезает сзади мои штаны, и, пока я борюсь, все забавляются с краями моей рубашки. Непонятно только, чему они смеются, потому что я ведь до сих пор всегда побеждал.

КНЯЗЬ: Но как это возможно, чтобы ты побеждал? У тебя есть оружие?

СТОРОЖ: Это только в первые годы я брал с собой оружие. Чем оно могло мне помочь против него? — только лишняя тяжесть. Мы бьемся только кулаками — даже, вообще-то говоря, только силой дыхания. И в мыслях у меня всегда ты.

Пауза.

Но я никогда не сомневаюсь в моей победе. Только иногда я боюсь, что герцог может меня потерять между пальцами и уже не будет знать, что он борется.

КНЯЗЬ: И когда же ты побеждаешь?

СТОРОЖ: Когда наступает утро. Он тогда меня отшвыривает и плюет мне вслед, признавая этим свое поражение. Мне, правда, приходится ещё целый час отлеживаться, хватая воздух, пока не отдышусь как следует.

Пауза.

КНЯЗЬ (встает). Но скажи, чего они все, собственно, хотят — ты это знаешь?

СТОРОЖ: Вырваться из парка.

КНЯЗЬ: Но зачем?

СТОРОЖ: Этого я не знаю.

КНЯЗЬ: Ты никогда их не спрашивал?

СТОРОЖ: Нет.

КНЯЗЬ: Почему?

СТОРОЖ: Не решался. Но если ты хочешь, я сегодня спрошу у них.

КНЯЗЬ (испуганно-громко). Сегодня!

СТОРОЖ (деловито). Да, сегодня.

КНЯЗЬ: И ты даже не догадываешься, чего они хотят?

СТОРОЖ (задумчиво). Нет.

Пауза.

Иногда — наверное, я должен это сказать — рано утром, когда я ещё лежу совсем бездыханный и у меня нету даже сил глаза открыть, приходит ко мне одно нежное, влажное и волосистое на ощупь существо, одна запоздалая гостья, графиня Изабелла. Она трогает меня в разных местах, прикасается к бороде, проскальзывает вся целиком по шее под подбородком и обычно говорит: «Остальных не надо, но меня, меня выпусти наружу». Я мотаю головой, насколько хватает сил. «К князю Лео, чтобы я могла протянуть ему руку». Я не перестаю мотать головой. «Но меня, меня», — слышу я ещё, и потом она исчезает. И появляется моя внучка с одеялом, укутывает меня и ждет подле меня, когда я уже сам смогу идти. Необыкновенно добрая девочка.

КНЯЗЬ: Изабелла. Незнакомое имя.

Пауза.

Протяни мне руку. (Встает у окна, смотрит в него).

В среднюю дверь входит слуга.

СЛУГА: Ваше Высочество, государыня княгиня просит допустить ее.

КНЯЗЬ (в рассеянности смотрит на слугу, затем, обращаясь к сторожу). Подожди здесь, пока я вернусь. (Уходит в левую дверь).

В тот же миг из средней двери появляется камергер, затем из правой — обергофмейстер, сравнительно молодой человек в офицерском мундире. Сторож отмахивается от них, словно от призраков, и прячется за софу.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Князь ушел?

КАМЕРГЕР: По вашему совету госпожа княгиня только что вызвала его отсюда.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Хорошо. (Неожиданно поворачивается и наклоняется за софу.) Так ты, жалкий призрак, в самом деле осмелился появиться здесь, в княжеском замке? А ты не боишься того могучего пинка, которым тебя вышвырнут за ворота?

СТОРОЖ: Я... я...

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Для начала ты сейчас замолчишь — чтобы ни единого звука — и встанешь сюда, в угол! (Камергеру.) Я благодарю вас за уведомление об этом новом княжеском капризе.

КАМЕРГЕР: Вы же посылали осведомиться.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Тем не менее. А теперь немного откровенности. Да, именно в присутствии этой тени в углу. Вы, господин граф, заигрываете с партией наших врагов.

КАМЕРГЕР: Это обвинение?

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Пока лишь опасение.

КАМЕРГЕР: В этом случае я могу ответить. Я не заигрываю с партией врагов, потому что не признаю ее. Чутье указывает мне определенные течения, но я в них не вхожу. Я все еще принадлежу той открытой политике, которая практиковалась при герцоге Фридрихе. Тогда при дворе была одна-единственная политика: служить князю. То, что он был холост, облегчало ему задачу, но она и никогда не стала бы тяжелой.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Весьма разумно. Но нельзя слишком долго рассчитывать только на собственный нос — даже когда он так надежен, — верную дорогу указывает только рассудок. А рассудок должен делать выбор. Предположим, князь пошел по ложному пути; чем вы послужите ему — тем ли, что станете сопровождать его на этом пути, или тем, что со всей силой вашей преданности погоните его назад? Несомненно, тем, что погоните назад.

КАМЕРГЕР: Вы прибыли с княгиней из другого придворного мира, вы здесь всего полгода, и вы в этих сложных придворных отношениях хотите сразу провести границу между добром и злом?

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Тот, кто жмурится, видит лишь сложности. Но тот, кто смотрит открытыми глазами, в первый же час видит тот же вечный свет, что и через сто лет. Здесь, правда, этот свет печален, но уже на днях мы, я надеюсь, приблизимся к благоприятному исходу.

КАМЕРГЕР: У меня нет уверенности, что тот исход, к которому вы стремитесь и о котором я знаю лишь то, что он возвещен, будет благоприятным. Я боюсь, вы не вполне понимаете нашего князя, двор и все здешнее.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Вполне или не вполне, но нынешнее положение нетерпимо.

КАМЕРГЕР: Может быть, оно и нетерпимо, но оно — следствие здешней природы вещей, и, я полагаю, мы будем терпеть его до конца.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Но княгиня — не будет, я — не буду и те, кто с нами, — не будут.

КАМЕРГЕР: Чем же оно для вас так нетерпимо?

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Поскольку мы уже накануне исхода, я буду говорить прямо. Наш князь некоторым образом соединяет в себе два существа. Одно занимается управлением, проявляя рассеянность, колебания перед лицом народа, пренебрежение к собственным правам. Другое ищет — пусть даже и весьма тонко — возможностей укрепления фундамента своего положения. Причем ищет их в прошлом, зарываясь все глубже. Какое непонимание реального положения дел! Это непонимание не лишено величия, однако его эффективность все же не так велика, как его ущербность. Разве вы можете этого не замечать?

КАМЕРГЕР: Я возражаю не против описаний, а против оценок.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Против оценок? Да ведь я, в видах достижения согласия, высказался даже мягче, чем мне того хотелось. И эту

сдержанности в оценках я все еще проявляю, щадя вас. Скажу только одно: на самом деле князь не нуждается ни в каком укреплении своего фундамента. Стоит ему употребить все средства его теперешней власти, и он увидит, что их достаточно для осуществления всего, чего от него может потребовать самое высокое чувство ответственности перед Богом и людьми. Но он стесняется установить жизненное равновесие, он идет по пути, ведущему к тирании.

КАМЕРГЕР: Да он скромное существо!

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Скромно одно из его существ, но все свои силы он отдает другому, сооружающему фундамент, рассчитанный на новую вавилонскую башню. Нужно мешать этой работе — вот единственная политика, которую должен вести тот, кому небезразличны его личное положение, интересы государства, княгини, а возможно даже, и самого князя.

КАМЕРГЕР: «Возможно даже» — вы очень откровенны. Ваша откровенность, по правде говоря, заставляет меня трепетать перед возвешенным исходом. И я сожалею — в последнее время я вынужден сожалеть об этом все больше — о моей верности князю, делающей меня самого беззащитным.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Все стало ясно. Вы вовсе не заигрываете с партией наших врагов, вы ей просто подыгрываете одной рукой. Только одной — похвально для старого знатока придворных игр. Но единственная надежда, которая у вас остается, это надежда на часть нашего большого выигрыша.

КАМЕРГЕР: Я сделаю все, что в моих силах, чтобы его не случилось.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Меня это уже не беспокоит. (Указывает на сторожа.) А ты, умеющий так тихо притаиться, ты все понял, что сейчас было сказано?

КАМЕРГЕР: Сторож склепа?

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Сторож склепа. По-видимому, нужно было прийти издалека, чтобы разглядеть его. Не так ли, мой любезный старый филин? Видели бы вы, как он под вечер летит сквозь лес, никакими искусственными приспособлениями не поддерживаемый. Но при свете дня он съеживается от одного взгляда.

КАМЕРГЕР: Я не понимаю.

СТОРОЖ (чуть не плача). Я не знаю, господин, за что вы меня браните. Пожалуйста, отпустите меня домой. Я ведь не злодей какой, а сторож склепа.

КАМЕРГЕР: Вы опасаетесь его.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Опасаюсь? Нет, для этого он слишком ничтожен. Но я хочу, чтобы он был у меня под рукой. Потому что думаю — назовите это прихотью или суеверием, — что он не только орудие зла, но и самый что ни на есть почтенный, самостоятельный труженик на ниве зла.

КАМЕРГЕР: Он уже лет тридцать тихо служит при дворе и за это время, наверное, ни разу не был в замке.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: О, такие кроты роют длинные ходы, прежде чем вылезти на поверхность. (Неожиданно обернувшись к сторожу.) А теперь вон отсюда! (Слуге.) Отвести его во Фридрихспарк, оставаться с ним и больше не выпускать его оттуда без приказа.

СТОРОЖ (в сильном испуге). Я должен дожидаться здесь Его Высочества князя.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Это ошибка. Убирайся.

КАМЕРГЕР: С ним надо обращаться бережно. Он старый, больной человек, и князь каким-то образом в нем заинтересован.

Сторож низко кланяется камергеру.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Вот как? (Слуге.) Обращайся с ним бережно, но убери его наконец отсюда. Живо!

Слуга бросается к сторожу.

КАМЕРГЕР (преграждая ему дорогу). Нет, нужна повозка.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: О, этот придворный воздух! Не чувствую в нем ни крупинки соли. Хорошо, пусть будет повозка. Ты будешь сопровождать эту драгоценность в повозке. Но теперь уже наконец вон отсюда оба. (Камергеру.) Ваше поведение говорит мне...

Сторож на пути к двери тихо вскрикивает и падает.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: (топает ногой.) От него что, нельзя избавиться? Так вынеси его на руках, если сам не идет. И пойми наконец, чего от тебя хотят.

КАМЕРГЕР: Князь!

Слуга открывает левую дверь.

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: А! (Бросает взгляд на сторожа.) Я должен был это знать, призраки нетранспортабельны.

Быстрыми шагами входит князь, за ним появляется княгиня, черноволосая молодая женщина; стиснув зубы, она останавливается в дверях.

КНЯЗЬ: Что здесь произошло?

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР: Сторожу стало плохо, я собирался его вынести.

КНЯЗЬ: Следовало известить меня. Врача позвали?

КАМЕРГЕР: Я пошлю за ним. (Поспешно выходит в среднюю дверь и тут же возвращается.)

КНЯЗЬ (стоя на коленях над сторожем). Приготовьте для него постель! Носилки сюда! Где там врач? Сколько еще его ждать? Пульс совсем слабый. Сердце не прослушивается. Одни ребра под кожей... Как это все изношено. (Неожиданно встает, ищет что-то, оглядываясь вокруг, находит стакан с водой.) Совсем не двигается. (Снова опускается на колени, смачивает сторожу лицо водой.) Ну вот, теперь получше дышит. Не так еще все плохо, крепкий корень — до последнего удара держит. Но врача, врача! (Смотрит на дверь).

В это время сторож поднимает руку и проводит ладонью по его щеке.

Княгиня отводит взгляд к окну. Появляются слуги с носилками; князь помогает при погрузке.

Осторожно его берите. Ах, с вашими лапами! Голову приподнимите. Ближе носилки. Подушку глубже под спину. Руку! Руку! Никуда, куда не годные вы санитары. Разве не будете и вы когда-нибудь такими же усталыми, как тот, кто у вас на носилках?.. Вот так... — а теперь самым-самым медленным шагом. И главное — равномерным. Я иду за вами. (В дверях — княгине.) Вот это он и есть, сторож склепа.

Княгиня кивает.

Не так я хотел показать его тебе. (Сделав еще шаг.) Ты не пойдешь с нами?

КНЯГИНЯ: Я так устала.

КНЯЗЬ: Я вернусь, как только переговорю с врачом. И вы, господа, сможете представить ваши доклады. Подождите меня. (Уходит.)

ОБЕРГОФМЕЙСТЕР (княгине). Нуждается ли Высочество в моих услугах?

КНЯГИНЯ: Всегда. Я благодарю вас за вашу бдительность. Не ослабляйте ее, несмотря даже на то, что сегодня она была напрасна. На карту поставлено все, а вы видите больше, чем я. Я заключена в своих четырех стенах. Но я знаю, что сумерки будут становиться все темнее и темнее. Осень в этот раз печальна сверх всякой меры...

1917 г.